

10 КРУЗОР 67

50

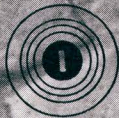

ПАРАДЫ РЕВОЛЮЦИИ

голоса нашей биографии

Галина ШЕРГОВА

Доля секунды размыкает ворота шлюза. Ворота шлюза, стискивающие Реку Времени. И сразу годы, талящиеся в человеческой памяти, в рулонах магнитной пленки и километрах архивных кинолент, начинают накатами бить в экраны телевизоров, в шкалы радиоприемников.

Я вовсе не ищу литературных метафор из арсенала научных фантастов. Я пытаюсь с документальной точностью воспроизвести ощущение, которое у меня возникало неизбежно всякий раз, когда в комментаторской кабине ГУМа ведущий поворачивает рычажок «эфир» во время праздничных репортажей с Красной площади.

Нигде, кроме этой площади, не возникает так отчетливо это чувство — присутствие на беседе времен. Может быть, оттого, что над этой брусчаткой прорейла вся история нашего государства, оттого, что чаша этой площади до краев наполнена голосами, прозвучавшими здесь. А, может

быть, оттого, что все свои главные свершения Революция приносила сюда, на эти парады.

Слово «парады» входит в людское воображение, сотрясая его пязгом танковых гусениц и литавровыми раскатами воинских маршей. Парады Революции бывали не только воинскими. Революция делала парадной и швартовку арктических кораблей у Кремлевской стены, и мягкую посадку космического брига, приземлившегося за тридевять земель и — все равно — на этой брусчатке.

Но в понятие «парады Революции» входит и качество парада — шествие. Единое шествие, начавшееся в дни Октября и длящееся полвека. Колонны разграничены годами. Но если на каком-то транспаранте был начертан лозунг-задание, взятое на себя страной, то через годы над головами идущих всходил транспарант-рапорт: выполнили!

1918 год. На Красной площади Ленин провожает в бой бойцов Всебубуча. Кажется, вся нищая Россия, истерзанная поволжскими недородами и окопным бытом первой мировой, собралась здесь.

Идут колонны наскорю переделавших потрепанную форму царских солдат (сорваны погоны и зажжены алые банты на груди) на форму бойцов Революции. В первой шеренге, вся в белом, как в венцу, проходит женщина.

«Смело мы в бой пойдем...»

А ленинский голос идет впереди колонн.

...Проходят солдаты-сибиряки по морозной площади 1941 года. Строй застыл. Здесь, на Красной площади, они дают присягу и ставят свои имена на листке ротного. Кто знает, может, эти же имена будут высечены на обелиске у братской могилы, может, их будут заучивать наизусть школьники по учебникам истории! Они идут.

«Идет война народная, священная война...»

1933 год. Над площадью ломкий, выветренный годами голос К. Э. Циолковского: «Из тихого, скромного города Калуги позволите обратиться к вам, участники рабочих и колхозных колонн, марширующие по Красной площади... Недавно я сделал открытие, которое сделает уже вас свидетелями заатмосферных путешествий...» «Второй этаж площади» — ребята, восседающие на отцовских плечах, слушают непонятные еще слова: «Юные летатели, так называю я карапузов, они, герои-смельчани, проложат звездные трассы».

...Поднимаются на гранитную трибуну Мавзолея первые в мире космонавты. «Юные летатели, — тянется к ним издали голос калужского предлетателя, — они проложат...»

Но... слушайте. Вступите и вы в эту беседу времен, прислушайтесь к голосам парадов Революции. На первой звуковой странице мы поворачиваем рычажок памяти, мы открываем ворота шлюза течению Реки Времен.

Фото Л. Лазарева.

...Двадцать седьмого октября 1917 года во главе революционных моряков Балтийского флота стал двадцатипятилетний матрос Николай Измайлов (водолаз, из крестьян, образование — 3 класса, большевик). Через три месяца В. И. Ленин подписал декрет о назначении его первым Главным комиссаром Балтийского флота.

Разговор первый. По прямому проводу. Петроград — Гельсингфорс. Ночью. 27 октября 1917 г.

...Меня разыскали на кораблях. «Срочно. Вызывает Смольный!» Аппарат отстучал: «Здравствуйте! Ленин». И дальше: «Керенский и Краснов угрожают Петрограду. Сможет ли Центробалт немедленно направить корабли для защиты города?» Я ответил: «Да, сможем». Смольный: «До свидания». В конце разговора я подумал: «Не попаду ли впросак? Идет война...» Я сно-

ТРИ РАЗГОВОРА С ЛЕНИНЫМ

ва запросил Смольный: «Вы ли говорите? Скажите имя». Аппарат вновь отбил: «Ленин».

Разговор второй. В Смольном. Кабинет В. И. Ленина. Ноябрь. 1917 г.

Вместе с П. Е. Дыбенко мы вошли к Ленину. Владимир Ильич сидел, накрывшись пальто, в кепке. Мы в бушлатах. Ну, фуражки, конечно, сняли. «Да что вы снимаете! Здесь очень холодно», — ска-

зал Владимир Ильич. Дыбенко представил меня. «Очень, очень хорошо. Здравствуйте». Держался он просто, не говорил — предлагаю, обявываю (а власть-то у него была какая!). Он улыбался, и все было как-то по-человечески...

Разговор третий. На заседании Политбюро ЦК. Кремль. 24 октября. 1920 г.

...Все началось с того, что Троцкий отказался решать вопрос о реорганизации морского ведомства республики. Мы (А. В. Баранов, член Ревсовета, В. И. Зов, помощник командующего военно-морскими силами, и я) обратились к Председателю Совнаркома. Ленин принял в тот же день. Слушал, не перебивая. Попросил все изложить в записке.

Через три дня нас пригласили в Кремль.

На заседании Политбюро мы доложили коротко, только главное. «Вопрос достаточно ясен, — сказал Владимир Ильич, — будем голосовать». Все были «за». Троцкий воздержался.

Борис ЧИРКОВ
Фото М. Савина.

Четыре строчки, продиктованные улицей. Четыре строчки, вобравшие в себя войны, революции, любовь, страдание. Частушки!

Короткая, озорная песенка эта излагала свой сюжет, смеялась, грустила, учила уму-разуму.

Чаще всего была она импровизацией, рождалась в диалоге, в соперничестве, в споре двух певцов или двух гармонистов. Неудачная тут же забывалась, а удачная повторялась и в следующий раз, и от одного певца переходила к другому, и из одной деревни или города переселялась в другую, и шла гулять по всему государству нашему.

У нас в городке Нолинске, где жил я в те годы, эта новорожденная песня узнавалась на базарной площади, где в спокойное то время не только можно было купить продукты, а и услышать последние новости, которых не было еще в газете, можно было поспорить по поводу текущих дел во всем мире. Здесь же подвыпивший гармонист подыгрывал захмелевшему певцу, а слушатели старались запомнить частушку, чтобы потом пропеть ее дома или в другой, своей компании.

И бывало так, что на одном конце базара пели, сердито поглядывая по сторонам:

Пароход идет. волны кольцами,
Будем рыбу кормить комсомольцами!..

А на другом конце того же торжища, как бы отвечая на этот вызов, громко обещали:

Эх, яблочко! Куда котишься?
В Вечка попадешь — не воротишься!..

с частушкой наперевес

Кроме частушек, пели еще и старые песни, приспособленные к новым обстоятельствам. Во время первой мировой войны широко известна была песня:

Слушайте, братья, война началась —
Бросай свое дело — в поход собирайся!
Смело мы в бой пойдем
За Русь родную,
И, как один, прольем
Кровь дорогую!..

А в гражданскую на тот же мотив пели уже иначе:

Вот и окопы. Трещат пулеметы,
Но их не боятся красные роты!
Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это!..

Стали появляться и песни, сочиненные настоящими поэтами и профессиональными музыкантами. Одной из первых в этом ряду, да и, пожалуй, самой популярной в те годы были знаменитые «Проводы», написанные на слова Демьяна Бедного. И не знаю, был ли тогда хоть один человек, который не знал и не пел бы...

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала...

Вот с этими мелодиями и стихами и связано в памяти моей начало Революции, и годы эти до сих пор живут во мне...

А. ЛУГОВЦОВА

●
Фото
Л. УСТИНОВА.

РОМАНОВЫ

**будни,
ковавшие
праздник**

Строки из газетных хроник, документов, дневников слагаются в летопись великой истории. Звуковые страницы «Кругозора» войдут в ваш дом голосами героев, знаменитых певцов, поэтов, актеров минувших лет.

История Романовых неразрывна с Нарвской заставой, с Путиловским, с революционной борьбой питерского пролетариата. Рабочий стаж мастеровых и токарей Романовых почти вдвое больше, чем «трудилась» на русском престоле семнадцать сменявших один другого Романовых — царей и императоров. Случилось так, что пути двух династий не раз перекрещивались на крутых поворотах истории. Одни Романовы с исторической неизбежностью шли к своей гибели, другие мужали, духовно крепили и политически закалялись в борьбе вместе с сотнями тысяч рабочих. Сын царского садовника, Алексей Дмитриевич, «царь-токарь», как звали его на Путиловском, стал родоначальником рабочей династии, участвовал в Февральской и Октябрьской революциях, штурмовал Зимний. На фронты гражданской войны ушли четверо Романовых: Алексей Дмитриевич и его сыновья Петр, Дмитрий, Александр. Работали, воевали, жили, живут и будут жить рабочие Романовы.

Ленинград.

ПЕРВЫЕ ГЛАВЫ

1917. Ночь с 25 на 26 октября. В 3 ч. 10 минут возобновил заседание II съезд Советов. Было оглашено ленинское воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам».

1917. 27 октября. «Военно-революционный комитет при Петроградском Совете (рабочих) и (солдатских) депутатов) предлагает дать в распоряжение комиссара Государственных и частных театров Муравьева караул из 30 человек для охраны Народного Дома театра. Председатель: Садовский. За секретаря: Напольский».

1920. 2 мая. «М. Н. Ермоловой, первой из советских артисток, присвоено звание народной артистки республики».

Фольклор баррикад и восстаний. На второй звуковой странице вы услышите рассказ народного артиста СССР Бориса Чиркова.

Кара КАРАЕВ,
лауреат
Ленинской премии

— Она действительно не окончена, и не следовало бы вести разговор об этом. Правда, есть название — «Город без детей». На Нефтяных Камнях нет детей. Добыча нефти в море — дело взрослых.

Наша эпоха сильно отличается по ритму от прошлых времен. Пульс учащен. Лицо человечества не обвеваемо легким ветерком. Оно обожжено вихрями. События катятся лавиной, и сознание воспринимает их как рваный кино-монтаж. Требуется немедленная реакция, верная оценка, точный глазомер. Неровность пути часто мешает произвести наводку на резкость. Помочь может и обостренная зоркость художника. Но это возможно лишь в том случае, если он сам слит с народом, если комплекс его нервных антенн следит, подобно радару, за летящим сгустком проблем времени...

...Это было на самом деле. История гибели бригады на буровой в море, во время невиданного шторма. Со всех островков сняли людей, а с этого не успели. Снесло бы вертолет, разбило бы судно. Люди были обречены. Они знали, что никто и ничто им не может помочь...

Ритм изменил понятие о времени. Если в прошлом длительность жизни художника соответствовала, грубо говоря, одному периоду в истории развития искусства, скажем, романтизму или классицизму, то сейчас каждый из нас пересекает несколько перевалов во время восхождения. Задерживаться опасно...

НЕОКОН ЧЕННАЯ ОРАТОРИЯ

Связь с эстакадой они держали по радио. Между гибнущими и остающимися в живых шел удивительный диалог. Люди на буровой знали, что им приходит конец. Они прощались с жизнью, с товарищами. Но никакой истерики, никакого крика никто от них не услышал. Шла деловая регистрация катастрофы: свалило будку, разорвало стальной переход, закачалась вышка.

Следует спешить. Утро после первого исполнения должно быть не праздным, а рабочим, надо идти дальше, помня, разумеется, о пройденном пути. Это тот принцип, которого я придерживался, сочиняя и Третью симфонию, первую часть которой «Кругозор» помещает на седьмой звуковой странице. Я отказался в ней от традиционных приемов гармонии и мелодического построения, но не мог, не хотел и не стал отвергать ценностей классики, иначе говоря, того общечеловеческого, что было накоплено ранее и что составляет наше общее богатство, достояние.

...Мне захотелось показать это...

Часто говорят о проблемах восприятия новой музыки, написанной сложным языком. Ответственность перед слушателем должно ощущать всегда, но тут дело в смелости и самого художника. Уверен ли ты в себе или не уверен? Если уверен, то высоко ставь публику, доверяй ей. Если за техникой стоит близкое, понятное, берущее за сердце содержание, — зал поймет. Всегда!..

Но показать не прямо, а отраженно — через состояние тех, кто на берегу принимал эти трагические депеши, кто рвался на помощь и ничего не мог сделать... Оратория пронизана прозаическим текстом чтеца. Слова ритмически совпадают с музыкой. Каждый слог точно соответствует определенному пункту партитуры. Вот здесь я и задержался. Сделанное показалось мне чуть выпреним, надуманным, и я остановил работу. Не хочу рисковать. Тут стоишь лицом к лицу с правдой...

Фото М. Савина
и Н. Агеева.

В грозном 1905 году, пытаюсь сквозь неясность времени разглядеть очертания будущего, Валерий Брюсов писал:
«...тас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Брюсову так же как почти за сто лет до него Генриху Гейне, казалось, что хозяева грядущего будут грубыми утилитаристами, сторонниками тревожной житейской прозы. Но история все решила по-иному. Поэзия не утонула в грозном море революционных событий, а, начиная с самых трудных для страны дней, стала набирать высоту.

Блокада. Голод. Кольцо фронтов гражданской войны. И в это время лучшие поэты, собранные Горьким вокруг «Библиотеки всемирной литературы», заново переводят произведения мировой поэтической классики, жемчужины мирового фольклора.

Народилась и поэзия нового общества. Зазвучали кованые ритмы «Скифов» и многоголосие «Двенадцати» Блока. Принял революцию Валерий Брюсов. «С высот поэзии бросаюсь в коммунизм», — гремел Маяковский. Выделился лирический голос Сергея Есенина, пробовали свои силы рабочие поэты, объединившиеся вокруг «Кузницы» и Пролеткульта. А на фронтах гражданской воевали будущие зачинатели молодой поэзии социализма — Тихонов, Сельвинский, Багрицкий, Луговской, Светлов, Голодный, Утин, Прокофьев, Сая-

нов, — люди моего поколения. Это была эпоха, когда даже такой принципиальный «затворник», как Пастернак, подарил читателям свои замечательные поэмы «1905 год» и «Лейтенант Шмидт».

О героизме, о неповторимом величии тех дней писал Николай Тихонов: «...Мертвые, преж-

де чем упасть, делают шаг вперед...»

Думается мне, что именно это поколение завоевало для нынешних поэтов право разговаривать с трибун с многомиллионной аудиторией — право, налагающее высшую ответственность перед искусством и народом. Своим гражданским опытом, своей лирикой они подготовили следующие поколения писателей к подвигу в Великой Отечественной войне, когда сбылось желание Маяковского, «чтоб к штыку приравняли перо».

ПРАВО ТРИБУНЫ

В ПРЕДДВЕРИИ ПЯТИЛЕТОК

1921. Совет Народных Комиссаров принял декрет «Об электрификации».

1924. Первый «Радиопонедельник», положивший начало художественному вещанию. А. Нежданова, Н. Обухова, В. Качалов, К. Держинская — участники выпуска.

1925. В Баку заложена первая морская нефтяная скважина.

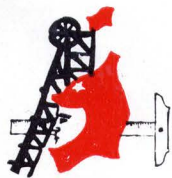
1926. Вступила в строй Волховская ГЭС. Исполнена Первая симфония Д. Д. Шостаковича.

1927. Советские пианисты приняли участие в первом Международном конкурсе имени Шопена в Варшаве. Первая премия присуждена Льву Оборину.

1928. Пущена первая линия дальней телефонной связи Москва — Тбилиси.

1929. Только что закончившая школу Галина Уланова выступила в балете Чайковского «Лебединое озеро».

1929. Принято постановление ЦК ВКП(б) о работе по ликвидации неграмотности.

НА ВСТРЕЧУ ДНЯ

1933. «В ночь на 31 декабря 1932 года с конвейера Горьковского автозавода на встречу второй пятилетки отправилась колонна — 50 первых советских автомобилей» («Правда»).

1933. «Товарищ Никита Изотов, здравствуй! Моя фамилия тоже Изотов, зовут Иваном. Я, как и ты, — забойщик. Меньше 19 тонн угля в смену не даем. Вызываю тебя на соревнование» («Правда»).

1934. «Мои искренние пожелания: быть советскому искусству достойным своего времени — новой эпохи в истории человечества» (Антонина Нежданова, Народная артистка республики).

1935. «Девушки! Садитесь на трактор! Мы ведь так работать можем — ребятам за нами не угнаться» (Паша Ангелина).

Голоса искусства новой эпохи — на девятой звуковой странице.

Высокая Высота

Сорок лет назад этот ледник был столь же далек и неизведан, как Марс. Для того, чтобы добраться сюда, нужны были караваны лошадей, недели хорошей погоды и проверенное оружие, потому что из-за любого поворота твои красные петлицы могла прошить басмаческая пуля.

Сегодня я иду по леднику Ленина, спускаюсь с ночевки 5 200, и рука моя работает без усталости, то и дело отпускает ледоруб, — он повисает на темляке, — а другая рука сдергивает мокрую брезентовую рукавицу.

— Здорово!

Путь среди чудовищных разрывов глетчера промаркирован нашими встречами, рукопожатиями, короткими шутками или дружескими шлепками, когда не помогает даже твой плохой английский. Впрочем, если ты молча распакуешь рюкзак уставшего товарища и переложишь в свой три килограмма сахара или напроновую веревку, это и будет язык международной альпинистской экспедиции.

Мы ходим на заброски, организуем промежуточные лагеря: 4 200, 5 200, 5 800, 6 100, заносим туда снаряжение и продукты, чтобы иметь полную гарантию того, что мы поднимемся на одну из высочайших гор страны — пик Ленина. Мы встречаемся на этом циклопическом леднике, неожиданно ставшем большой дорогой. «День добрый, Михаил Францевич». (Просто язык не пово-

рачивается назвать этого седоголового человека, судью из Люблины, бежавшего в свое время из Дахау, воевавшего в партизанах, — назвать Миха Поточник, как он сам на этом настаивает. Выясняю, что отца его звали Франц. Получается — Михаил Францевич.) Их отряд ведет наверх мастер спорта Игорь Рошин.

— Привет!

— Салют!

— Здравствуйте!

Присядем на рюкзаки. Попьем водички. Неожиданно из-за снежного склона — четверо ребят. Это группа мастера спорта Владимира Кавуненко. Неделю назад они закончили потрясающий траверс четырех вершин, проработав тринадцать дней выше 6 000 метров, и вот спускаются с новой покоренной — пика Ленина. У Кавуненко ободраны руки. У Саши Балашова черная щека: поможена.

— Гутен morgen, Ганс Даммер!

— Здравствуйте, Ююра!

Гансу пятьдесят шесть лет. В тридцать втором году он впервые приехал в СССР в составе немецкой рабочей альпинистской делегации. Ганс — шеф-директор овощного магазина в Лейпциге. И, между прочим, тридцать лет руководит рабочим хором, который в фашистские годы стал подпольной организацией. В команде ГДР все коммунисты. Они идут наверх. К Ленину.

Тридцать лет назад первосотводители оставили на вершине пика записку: «Высочайший памятник — величайшему из вождей». Их было трое русских. Сегодня на вершине побывало более двухсот человек: русские, немцы, болгары, поляки, югославы, венгры, чехословаки, итальянцы, австрийцы. На высочайшем памятнике. Величайшему из вождей.

Ю. ВИЗБОР,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото Э. Кравчука

«...РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ»

1941, декабрь. Из постановления ЦК ВКП(б). «...разрешить политорганам Красной Армии принимать в члены ВКП(б) отличившихся в боях военнослужащих после трехмесячного кандидатского стажа».

1943. В. Вишневский — А. Таирову (из письма). «...Вторая зима... Немцы еще злобствуют, упорствуют под Ленинградом... Город терпит, но мы своего добьемся... Рассказал бы я тебе о днях осады и блокады... О доживу — буду писать год, два, строкой за строкой историю своей жизни, войну, Петербург — Ленинград... Может быть, это и будет моя лучшая книга».

1945. Л. Леонов. «Парад Победы». «На этом параде присутствуют и павшие в бою. Они отдали своей стране не только труд или даже самое дыхание; всем ведомо, какие высокие творческие планы содержались в каждом из них. Они молчат, за них говорит Победа».

Песни, которые не заглушила военная канонада, слушайте на десятой звуковой странице журнала.

Всеволод
ИВАНОВ

Рисунок
А. Шторха.

**ЗА
ТЫКВОЙ**

Из «Рассказов об Октябре»

Казак заперлись в Кадетском корпусе. Наш снаряд отбил угол. В бинокль, через площадку, я разглядел стол, убранный для самовара: чашки были разбиты, и на одно мгновение мне показалось, что под диван шмыгнула кошка. Гул второго взрыва потряс переулочек, и серые глаза кошки мелькнули, как забытая мысль.

Так три дня обсыпалась эта улица. Комнаты мешан разрезались снарядами, словно ножом. Да, эти дома так же годились для сражений, как сыр для молота.

Наш грузовик, неизвестно почему, долго крутился по улицам, словно шофер забыл, где Соборная площадь, что перед Кадетским корпусом.

Один раз грузовик запутался в проволоке телеграфа, и шофер ожесточенно бил проволоку рукояткой револьвера. У него было такое лицо, словно он удивлялся, почему из проволоки не показывается кровь.

И вот мы примчались-таки на Соборную площадь. Здесь в кустах сивера застрял фургон, груженный тыквами. Они были огромные и невероятные, как эти дни. Легкая грязь бахчей еще трепетала на их засохших стеблях.

Кони, пригнавшие фургон в сивер, были убиты. Они лежали, неумело воткнув головы в кусты. Сбруя их тоже неумело была окрашена в кровь.

А в тыквах застрял маленький, плюгавый человек с винчестером в руках.

На его голове была детская синяя пуховая шапочка, и неимоверной величины бараний тулуп, как мантия, раскинулся по тыквам.

Он испуганно крикнул мне:

— Наши?

Матросы с грузовика пренебрежительно ответили:

— Наши. Дорогу не можешь найти, братишка? От страха головой в клокот: очень помогает.

— Ха-а!.. Перепутал!..

С испуганной болью, под насмешками, синенькая шапочка слонилась к тыквам, и я увидел выскошную, поросшую седым волосом шею.

Мне даже почудилось: зубы его боязливо лягнули. Неприятно видеть чужой страх (не таким ли бываешь сам?) — и я отвернулся. Но страх, как пропасть, непостижимо влечет к себе, и я опять взглянул на человека в пуховой шапочке.

Он тщательно целился. У него было непривычно сосредоточенное лицо, как у плотника, вдруг бы вздумавшего топором вытесать зубочистку.

Окна обстреливаемого нами корпуса были пусты, но, когда я проследил взгляд человека, — они наполнились жизнью. Мне даже показалось, что в одном из окон я вижу красный околыш казачьей фуражки.

— Видишь, — подтвердил человек визгливо, — фуражку. Они, для прибавления смелости, фуражки на себя напяливают, а через такую канитель и погибают. Ать!

И тогда, вслед за его выстрелом, мы ясно разглядели, как фуражка свалилась на подоконник.

Чуть подрожала там она. Наверное, десятка три капель упало на нее, а вместо конарды она имела след пули.

И человек испуганно, будто бледнея за свою удачу, пролепетал:

ГОВОРИТ ТЕОДОРАКИС

Репортеры редко ждут. Они спешат, ссылаясь на время и на улетающий самолет. Но на этот раз лететь было некуда. Событие происходило в двух шагах от пишущих машинок и от микрофона. И они терпеливо выставляли свою очередь. В студии радиодома на Пятницкой говорил Микис Теодоракис.

Человек огромного роста — он говорил тихо. Было странно слышать тембр его голоса — глухой и высокий. Но все было правильно. Просто это был голос Теодоракиса, и он был слышен всем. Теперь это янее, чем когда бы то ни было.

Мы показали Микису макет полосы со статьей о нем (номер «Кругозора» должен был вот-вот выйти). Он улынулся. Потом улыбка исчезла. Глаза сузились. Он сказал...

Голос Микиса Теодоракиса слушайте на третьей звуковой странице.

— Я в детстве по белки ходил!

Матросы захохотали:

— Ты чего в тыкву залез? Думаешь, пуля не возьмет, али задницы жалко?

Человечек жалостливо улыбнулся.

— А и верно, угадали, боюсь. Тыква все-таки свое. Я их в детский дом вез, ребятишки, поди, без наши через меня сидят. Ждут. А тут лошадок белые пристрелили, прямо из окон и конули по лошадям. Я в них — за лошадей главным образом. Лошадь у меня были хорошие...

Матросы опять захохотали над ним.

Пулемет, щелкая патронами, затрясся на нашем грузовике. Снаряд сшиб трубу с корпуса, и густая сажа — словно трубу не чистили целое столетие — покрыла обильно крышу.

Дождь усилился. Одежда промокла, и выстрелы оттого участились.

Человечек продолжал стрелять все расчетливе, все медленнее, и с каждым выстрелом одним трупом было больше в корпусе.

Поддрепление, — цепь наших солдат поползла по кустам. На одно мгновение установили, было, пулемет на паперти храма. Он молча застрял там, плотно усеянный мертвыми служителями.

Сдаче всегда предшествует какое-то особое ощущение.

А тут белый флаг над корпусом появился, как очередной патрон. Никто ему не удивился.

Бледные казаки, с неимоверно вытянутыми вверх руками показались на крыльце.

— Кончилось! — проговорил я, оборачиваясь к фургону.

Но пуховая синяя шапочка с красным шариком на верхушке лежала в грязи. Тощая шея медленно и неимоверно длинно, словно неуверенная в необходимости, переходила в тоненькую бритую голышкуну.

Я приподнял эту легкую седую головку.

Никогда не прицеляются эти слегка припухшие глаза.

Но раны в голове не было, а от ран в теле он был защищен стайей тыкв.

И с легким презрением я подумал: «От страха».

Я опустил голову и направился посмотреть, как будут принимать сдавшихся казаков, но тут из кустов выскочил мужик, с кнутом в руке, и с воплем опрокинулся на меня.

— Зачем лошадей-то пристрелили, черти? Господи, вся жисть в таких моих лошадях, а они их,

как мух! Домой мне теперь как ехать? Господи! Ни сердца, ни ума у вас нету, одни пули!

Он со всей жадностью крестьянина тряс мое тело и визжал, почему я отнял у него лошадей.

Я указал на умершего в тыквах:

— Да разве лошади не его?

— У такого — да чтоб такие лошади были!..

Но тут мужик узнал покойника.

Он с матерками схватил из грязи пуховую шапочку и кинул ему в лицо. Она сползла и прилипла к блестящим тыквам. Тогда-то я разглядел, что лошади были застрелены не казаками из корпуса, не в лоб, а в затылок, очевидно, с фургона, человеком в пуховой шапочке.

Трепет неясного уважения шевельнулся во мне. Я поднял тяжелую тыкву, дабы освободить тщедушного мертвеца.

Толстый санитар остановился подле фургона. Со смехом, получающимся тогда, когда трупы стоят не дорожке живых, с таким смехом санитар проговорил:

— Ишь, куда утек, синя шапка!

— Кто?

Он весело похлопал мертвеца по плечу.

— А этот! Из школы утек, там у нас временный лазарет. Он у нас в койке был, перевязан. Я по нужде пошел, а он и выскочи, отнял у мужа телегу и утек. Войка! А я за ним обязан под пули бежать? Теки, если хочешь!

Нога у человека была раздроблена. Тыквы со рвали перевязку, и нижний слой их окрасился густым малиновым цветом крови.

И лужа дождя под фургоном тоже была желто-красавого цвета.

— Кто он такой?

Но санитар ушел уже смотреть, как расстреляют казачьего генерала.

Крестьянин, рассупонивая хомут любимой падшей лошади, гнусаво, непривычно ныл.

В карманах у мертвого я нашел осмышкуну махорки, тетрабочку отсыревшей папиросной бумаги и справку ячейки большевиков электрической станции о принятии в члены партии товарища Дмитрия Заливина.

Справка помечена вчерашним днем, то есть двадцать седьмым октября тысяча девятьсот семнадцатого года.

1926 г.

Публикация Т. Ивановой.

КРАСНЫЕ ДАТЫ БУША

Эрнст Буш — человек общительный. Говорить с ним — большое удовольствие. У него на все свой взгляд, и он никогда не сдает позиций без боя. Однажды 67-летний Буш рассказал, как пришлось ему встречать даты Великого Октября:

«7-летним мальчиком я впервые поднялся на подмости, которые означали для меня открытый мир. В толпе бородатых поющих каменщиков в майские рабочие праздники 1907 года в Киле я запевал второй куплет «Интернационала».

В 1917 году я уже был учеником слесаря на крупновской верфи «Германия» и руководителем районной социалистической организации рабочей молодежи. В том году я пел на митинге в трюин день первую немецкую антивоенную «Солдатскую песню» Эриха Мюзама, которую он написал за год до этого, в октябре 1916 года. Это было в 1917-м. Но прошло больше года, пока волны революции докатились от Кронштадта по Балтийскому морю до Киле. 3 ноября 1918 года я был на демонстрации вместе с кильскими матросами. Они хотели освободить из тюрьмы товарищей, которые отказались идти в поход на Англию и загасили топки своих броненосцев. Этот день был подлинным началом революции в Германии, к сожалению, не такой успешной, как Октябрьская.

В 1927 году мой актерский стаж исчислялся семью годами, и я играл в пьесе А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева. Немецкое название пьесы гласило: «Распутин, Романовы, война и народ, который встал против них». Я играл две роли: генерала Фоша и русского рабочего.

В Мадриде в 1937 году в день праздника Октября вместе с немцами интербригадовцами я

пел песню Ганса Эйслера на слова Бертольда Брехта «Серп и Молот». «Мы построили счастливую жизнь, прогнав господ, и с гордостью водрузили на наше Красное Знамя Серп и Молот. Серп и Молот — наши орудия, и Советский Союз, который мы строим, — опора всех угнетенных во всем мире. А если кто-нибудь полезет в советский сад, на них обрушится этот мирный Молот, а мирный Серп снесет им головы».

После Испании пролетарский певец попал в лапы гестапо. В те годы и была создана его знаменитая «Песня болотных солдат» — так себя называли заключенные фашистских концлагерей.

В тюрьме Буш был изувечен, казалось, что он уже не сможет петь. Но пришел 1945 год. Советские солдаты освободили Буша из тюрьмы в Бранденбурге, а советские врачи вылечили.

«В 30-ю годовщину Великого Октября, в 1947 году, я пел в Берлинском Фридрихштадтпаласе вместе с Ансамблем Советской Армии».

На этом концерте был Константин Симонов: «В Берлине на холодной сцене пел немец, раненый в Испании, по обвинению в измене казненный за глаза заранее. Пять раз друзьями похороненный, пять раз гестапо провороненный, то вновь иголкой в стог оброненный. Воскресший, бледный, как видение, стоял он, срамом изуродованный, как документ сопротивления, вдруг в этом зале обнародованный».

К празднику Э. Буш готовит цикл песен пролетариата. Одна из них называется «Песня о Чапаеве».

Нет, не обычный это горед — Темиртау. Он уже дает чугун, сталь, прокат. У него симфонический оркестр, самодеятельность и лучшая в республике музыкальная школа...

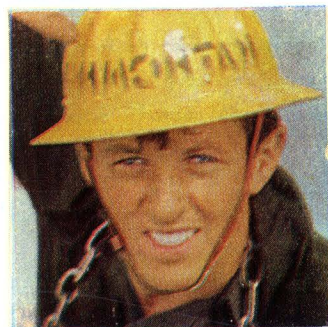
В 1945 году, в канун праздника, степной поселок Самарканд, тезка знаменитого, был переименован в Темиртау. Тогда в городе было 25 тысяч жителей. Сегодня 150 тысяч. И уже есть своя история: история домен, мартенов, слябингов, нового моря и венца всего — стана «1700».

●
Стан «1700» — гордость города.
Старожил Темиртау Галя Ахметова.
Виктор Серков — человек «высотный».

Фото А. Лидова.

САМАЯ МОЛОДАЯ ИСТОРИЯ

БУДНИ, КОВАВШИЕ ПРАЗДНИК

10 марта 1946 г. «...Первые отряды комсомольцев Сибири и Урала выехали по призыву ЦК ВЛКСМ на восстановление 15 русских городов».

4 октября 1957 г. «В Советском Союзе осуществлен запуск первого в мире искусственного спутника Земли». ТАСС.

31 октября 1961 г. «Сегодня XXII съезд принял новую Программу партии, третью в истории КПСС». Московское радио.

1966 г. «Крупная Надежда Константиновна в свое время надо мной подтрунивала: ты, говорит, Елена, каменная какая-то. И вот этот камень, как дитя, плачет, услышав «Интернационал» с Луны...» («Правда». Е. Д. Стасова).

На вахте искусства — новая смена. Слушайте 11-ю звуковую страницу.

слушайте

в

номере

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

**ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР**

На 1-й и 4-й обложках —
«Знамя революции».
Рисунок
А. Гамбург.

Режиссер
Н. Субботин.
Художник
А. Шторх.
Технический
редактор
Л. Петрова.

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ.**

Адрес редакции:
Москва, Пятницкая, 25.

Телефоны
редакции:
В 3-73-94, В 3-74-59.

В 04538. Подп. к печ.
21/IX 1967 г.
Формат бумаги
84×108¹/₁₆. Усл. п. л. 1,68.
Тираж 250 000 экз.
Зак. 2652. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени
В. И. Ленина.

Из дневника съёмочной группы

В течение полутора лет наша съёмочная группа вела, как у нас говорят, длительное кинонаблюдение. Объективы наших камер были устремлены на Аркадия Райкина.

Мы развезжали вместе с ленинградским Театром миниатюр, снимали выступления артиста в Баку, Москве, Ленинграде, в городах Югославии.

Мы ставили камеру за кулисами, чтобы зафиксировать «оборотную сторону» спектакля. Мы снимали репетиции, когда только еще начиналось «прощупывание» текста, и репетиции, когда сцена уже была в декорациях. Нам важно было идти шаг в шаг за Райкиным, тогда мы могли бы показать процесс создания образа, а не только результат, который видит зритель.

Нас интересовал Райкин — художник театра и Райкин — телевизионный актер, мы бывали у него дома, сопровождали на концерты, съёмки велись даже в купе поезда...

Сначала это мешало артисту, затем он привык, а в конце концов стал удивляться, когда не видел рядом нашей съёмочной группы.

7 ФЕВРАЛЯ 1966 г. Знакомимся с Райкиным. Он представляет нам труппу. Кто выдумал, что великие комими — мрачные люди? Разговор идет о вещах самых неожиданных. Кто-то вскользь замечает: одно из актрис не выносит землянику. Даже слова этого не может слышать. «Теперь вы понимаете, — улыбается Райкин, — почему мы не ставим «Ревизора»?»

10 АПРЕЛЯ. Съёмка назначена на 2 часа. Ждем, начинаем волноваться. Райкин пунктуален. Приехал, извинился, рассказал, в чем дело: хотя закрыты мастерскую по реставрации старинной мебели, а там работают редчайшие мастера. И вот он с утра кому-то звонил, с кем-то ругался, поехал в редакцию газеты, потом — в облисполком. Мастерскую отстояли.

17 МАЯ. Райкину вывалили на стол мешок писем — недельная корреспонденция. В одном: «Если хотите летом отдохнуть, приезжайте к нам в Абхазию». В другом: «Мы поспорили, работаете ли вы с режиссером». Работает. Часто с Андреем Тутышкиным. Новую программу (это у нас уже есть в фильме) ставит режиссер Рафаил Сулович.

13 МАРТА 1967 г. Говорили с Райкиным о статьях, ему посвященных. «Когда пишут: смешной спектакль, хороший, мастерский, — я все жду главной мысли, часто утопленной в подтексте: посмотрите, а ведь это паяц, этот шут гороховый говорит дельные вещи!»

Рассказал о «рецензии», которой гордится: это передовая в «Ленинградской правде» об улучшении моделей детской одежды. Газета вышла на следующий день после премьеры, где была интермедия на эту тему.

24 АПРЕЛЯ 1967 г. Услышали по радио сообщение о гибели Владимира Комарова. Зал был уже битком набит. Райкин вышел в своем черном костюме. «Я актер, — сказал он, — могу взять себя в руки и через пять минут буду играть, как всегда играл, а вы будете смеяться, как всегда смея-

1. Красная площадь — современнику. Фонофильм В. Возчикова.

2. Обойма в четыре строки. Борис Чирков: прошлое, пережитое.

3. Микис Теодоракис: песню не задушишь, не убьешь.

4. И до вершины — бой! Песня-репортаж Ю. Визбора с пика Ленина.

5—6. «Кто подслушал вдохновенье это...». Стихи читают Николай Асеев, Анна Ахматова, Владимир Луговской, Александр Прокофьев, Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Николай Тихонов, Илья Эренбург.

7. Кара Караев. Из Третьей симфонии. Исполняет московский камерный оркестр.

8. «Пять раз гестапо провороненный». Поет и рассказывает Эрнст Буш.

9. Ветераны радиоконцертов. Н. А. Обухова и Л. Н. Оборин. А. Гурилев. «Колокольчик»; Ф. Шопен. Вальс до-диез-минор.

10. «Лейся, песня, на просторе». У микрофонов «Кругозора» Клавдия Шульженко и Леонид Утесов.

11. Наши премьеры. Б. Савельев, Л. Дербенев. «Я тебя ждала»; А. Островский, И. Кашенева. «Лунный камень». Поют М. Лукач и Э. Хиль.

12. А. Райкин: «Сатирик должен быть добрым».

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

лись. Но сегодня я этого делать не хочу. Я знаю, вы со мной согласитесь. В четверг у меня выходной день, я переносу сегодняшний спектакль на четверг». Зал поддержал аплодисментами.

12 ИЮЛЯ. У Райкина монтажировочная репетиция, а у нас заключительная съемка. Наш оператор О. Рейзман выключила камеру и вдруг сказала:

«А жаль, что это последний кадр»

Василий КАТАНЯН,
кинорежиссер

*Чувство
времени быстрого,
землю
вырвавшее из апатии,
светом будущего
взволнованное,
явью ставшее
в планах Партии...*

Цена 1 руб.